

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
КАФЕДРА ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ
НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА – «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
2015–2016**

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

**Москва
2016**

Теория и история социологии

Коллектив авторов

**Социологический
ежегодник 2015-2016**

«Агентство научных изданий»

2016

ББК 60.5

Коллектив авторов

Социологический ежегодник 2015-2016 / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2016 — (Теория и история
социологии)

ISBN 978-5-248-00734-9

В статьях, обзорах и рефератах рассматриваются проблемы социальной теории, эмпирических социологических исследований, истории социологии. Обсуждаются актуальные тенденции и перспективы развития социологии как научной дисциплины в России и зарубежных странах. Для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

ББК 60.5

ISBN 978-5-248-00734-9

© Коллектив авторов, 2016

© Агентство научных изданий, 2016

Содержание

Социология как индикатор состояния общества: «старые» и «новые» проблемы в современных исследованиях	5
I. Проблема социальной сплоченности в социологии	11
Статьи	11
Социальная сплоченность: критика определений и возможности для новой концептуализации 1	11
Адаптивный потенциал социальной сплоченности: традиция, современность, неотрадиция 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Социологический ежегодник / 2015–2016

Социология как индикатор состояния общества: «старые» и «новые» проблемы в современных исследованиях

Предисловие

Н.Е. Покровский, О.А. Симонова

Социология изучает общества. Это хрестоматийное положение не требует пояснений. Однако гораздо меньше внимания уделяется тому факту, что и сама социология, если оценивать такие ее параметры, как состояние и динамика развития, степень авторитетности в массовом сознании, использование данных социологического анализа в принятии решений любого уровня, популярность профильного образования, развитие социологической культуры широких масс, выступает одной из значимых характеристик общества. По большому счету социология служит мерилom общественной рациональности и управляемости социальными процессами. Социологии в обществе не может быть слишком много, как не может быть «слишком много» медицины, культуры, искусства, спорта и здорового образа жизни. В каком-то смысле социология и есть здоровый образ социального мышления, противостоящего архаике, традиционализму, мифологии, обскурантизму и манипулированию общественным мнением. И в этой области многое на сегодня в стране и в мире внушает серьезное беспокойство.

В зарубежном обществознании набирают обороты два контрастных процесса. С одной стороны, происходит ускоренная политизация социологии, в рамках которой приоритетной функцией данной отрасли научного знания становится оформление борьбы за равенство и социальную справедливость. В зависимости от уровня обобщения социология приобретает черты либо революционной идеологии, либо программы служения обществу на ниве социальных проектов и малых дел. В основе соответствующего подхода лежит представление о том, что преобразование общества силами ученых должно превалировать над его научным познанием. И этот тезис отнюдь не маргинален. Напротив, он проходит красной нитью через программы крупнейших мировых социологических форумов и многочисленные публикации самого различного уровня. В такой подаче вопросы глубины научных исследований, научности как таковой вольно или невольно уступают место реформистской и революционной повестке дня. В своих мягких и полуакадемических версиях вышеописанный подход получил наименование «публичной социологии». Более жесткие варианты подразумевают партисипаторное пребывание социолога именно как носителя этой профессии в самой гуще событий, проповедь социальной справедливости на баррикадах классовых столкновений. Симптоматично, что в рамках обозначенной тенденции развития современной социологии собственно научная, исследовательская составляющая социологии (т.е. главное содержание науки) уводится на второй план «необязательного» знания. Все это порождает исторические ассоциации с весьма бурной деятельностью В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, в том числе и на ниве теоретизирования.

С другой стороны, обнаруживает себя и противоположная тенденция – погружения социологии в собственный дискурс. Это можно заметить по многочисленным проявлениям повышенного интереса к феноменологическому конструктивизму, конструированию реальности с применением социологических инструментов. В определенном плане объективная («позитивистская») реальность общества словно перестает существовать. Она уступает место

феноменологическим конструктам и рассуждениям по поводу социологической эпистемологии и значимости процесса смыслонаделения, якобы творящим образ мира из головы самих социологов. Представляя собой довольно увлекательное путешествие в мир продуктивного воображения, данный процесс тем не менее оборачивается уходом социологии от ее основополагающей задачи – проведения максимально объективного анализа данных с целью его последующего использования в интересах широких слоев общества, а не отдельных рефлексизирующих личностей или групп интеллектуалов.

Внутренние противоречия современной социологии, неясность ее генеральной программы, провозглашение полипарадигмальности неизбежным этапом эволюции социального знания – все это усугубляет серьезность ситуации. Как представляется, на сегодняшний день в рядах социологов не сформировалось единого понимания целей и задач своей науки.

Возможно, в этом нет ничего судьбоносно страшного. Однако для завоевания общественного признания социология с неизбежностью должна найти в себе единый язык общения. На протяжении семи лет редколлегия и авторский коллектив «Социологического ежегодника» предпринимали попытки содействовать созданию такого языка. Насколько плодотворными были эти попытки – судить нашим читателям.

Парадоксальным образом в современном мире, таком непостоянном, трансформирующемся, динамичном и сложном во всех отношениях, социология не только фокусируется на процессах социальных изменений, но и возвращается к тем базовым вопросам, с рассмотрения которых началось ее становление как науки, – проблемам социального порядка, социальной интеграции, социальной солидарности и социальной сплоченности. Тематика социального единства актуализируется во многих сферах социологического знания, а также в различных вариантах социальной политики. В современном мультикультурном мире на фоне очевидных трансформаций, революций и войн возрастает роль интегрирующих факторов – религиозности, идеологии, морали. С увеличением степени сложности и разнородности современных обществ перед учеными отчетливо встают проблемы совместного проживания и даже в некоторых случаях выживания людей. Именно поэтому социологи обращаются к исследованию форм современных социальных объединений, выявлению разного рода социальных интеграторов, социальных факторов различных видов единства, солидарности и сплоченности. В теоретико-методологическом плане вновь на обсуждение выносятся старая проблема соотношения понятий, обозначающих разные формы социальных связей и единства: к каким явлениям относится сплоченность, что считать солидарностью, в каких случаях используется понятие «социальной интеграции»? В научно-практическом смысле проблема социального единства выходит в мир большой политики: в западных обществах активно разрабатываются социально-политические программы, преследующие цель добиться гармоничного совместного проживания, ориентированные на ценности мультикультурализма. Поэтому важно осознать не только глубину проникновения социологического дискурса в подобные программы, но также характер отражения политического и обыденного понимания социального единства в научном поиске.

Рассмотрению этих актуальных проблем посвящены статьи и рефераты, представленные в первой рубрике настоящего ежегодника: «Проблема социальной сплоченности в социологии». В работе Р.А. Садыкова раскрываются базовые социологические подходы к определению понятия социальной сплоченности и перспективы развития исследований сплоченности. Автор подчеркивает сложность выработки согласованного социологического определения сплоченности в контексте запутанности поисков его основного значения, а также близости этого понятия к ценностным основаниям, наличия у него позитивной смысловой окраски. Определяющей чертой современного понимания сплоченности в социальных науках выступает многомерность понятия и измерения. В данном контексте требуется выяснить: каким образом социологическое исследование социальной сплоченности может внести ясность в объяснение современных процессов; будет ли социология действительно полезна в принятии некоторых

социально-политических решений или в социально-инженерных преобразованиях? Нам представляется, что это одна из болевых точек современного общества, область, где социология оказывается актуальной и полезной.

Изучение проблемы социального единства требует проведения конкретных исследований социально-культурных общностей, которые характеризуются той или иной формой, той или иной степенью социальной сплоченности. Речь идет о том, что в современном мире тесно переплетаются традиционные и современные формы сплоченности. Рассмотрение данного вопроса включает в себя описание параметров, позволяющих предсказать перспективы развития социальной сплоченности на основе анализа представлений индивидов о собственной групповой идентичности и установок внутри- и межгрупповой коммуникации. Статья М.А. Козловой и А.И. Козлова частично отвечает на вопрос о том, какие формы сплоченности обладают наиболее ярко выраженным адаптивным потенциалом и обеспечивают наиболее стабильное и долговременное повышение уровня и качества жизни. В качестве групп в данном случае выступают крупные социокультурные общности. В исследованиях, результаты которых обобщаются в данной статье, принимали участие представители этнических общностей, находящихся на разных этапах перехода от традиционного к современному типу социального устройства, – представители коренного населения Севера России. Модернизация приводит к смене эгалитарной социальной структуры коренных малочисленных народов Севера на вертикальную, ослаблению традиционных сообществ поддержки и тем самым выступает мощным стрессогенным фактором, снижающим благополучие общества в целом. В этой ситуации северяне выбирают стратегии индивидуальной и коллективной интеграции через укрепление этнической идентичности и возвращение к традициям, однако неотрадиционализм порождает отнюдь не традиционные, а новые формы сплоченности, сочетающие в себе современные и традиционные свойства.

Рубрику дополняют рефераты актуальных статей о влиянии этнического разнообразия на социальную сплоченность в современных западных обществах, роли религиозных факторов, организаций и общин в сплоченности более широкого сообщества. Этническая и религиозная гетерогенность вовсе не обязательно ослабляет социетальную сплоченность; существуют механизмы договорной интеграции, выработки стратегий внутри и вне этнических и религиозных сообществ, направленных на снижение остроты противоречий и уменьшение конкуренции между ними.

В работах следующей рубрики – «Социология морали и альтруизма» – прослеживается тесная связь с проблематикой социального единства: большая их часть посвящена междисциплинарным исследованиям социальных интеграторов. Особенностью представленных статей, обзоров и рефератов является их связь с современным естествознанием или теми элементами социальной жизни, которые традиционно не были предметом социологии, а относились к сфере биологии, эволюционной психологии и социобиологии, и наоборот. К примеру, в настоящее время очевидна тенденция так называемой «морализации биологии», когда мораль попадает в исследовательский фокус нейронауки, биологии, эволюционной психологии и приматологии. Помимо того, эмоции, которые ранее никогда широко не исследовались в социологии, теперь изучаются социологами как одновременно биологический и социальный феномен, связанный с моральными аспектами социальной жизни и, соответственно, социальной солидарностью. В обзоре последних работ зарубежной периодики, написанном Е.В. Якимовой, феномен морали анализируется в контексте современной биологии и нейронауки. Фактически обзор посвящен достижениям естествознания в изучении морали и их осмыслению, а в некоторых случаях и применению в социальных науках, в частности в социологии и социальной психологии. Данная работа подкрепляется другим аналитическим обзором (М.А. Ядова) проблематики морали в современной исследовательской практике, где рассматриваются избранные исследования морали в зарубежной и отечественной социологической литературе.

Рубрика продолжается статьей М.А. Козловой и О.А. Симоновой, представляющей результаты авторского эмпирического исследования моральных аспектов российского общества. В ней рассматриваются моральные эмоции как своеобразные индикаторы или маркеры сдвигов в трудовой этической системе жителей современного российского села. Моральные эмоции наиболее остро переживаются в ситуациях нарушения привычного уклада жизни, справедливости и в условиях социальных изменений. Жители российского села находятся в сложной ситуации глубоких социально-культурных трансформаций, когда советская трудовая этика «уходит» и не может служить системой ориентации в новых экономических условиях. «Презрение к физическому / сельскому труду» со стороны общества, возникающее в условиях перемен, отчасти обуславливает дезориентацию сельского населения, его социально-экономическую дифференциацию. В данном исследовании анализ моральных эмоций позволил раскрыть специфику субъективного восприятия перемен со стороны сельского населения отдельно взятого региона центральной России. Были выявлены представления сельских жителей о новом экономическом порядке и их роли в нем и, соответственно, видение меняющейся трудовой этики. Здесь авторы фиксировали не столько связи, сколько разрыв связей, воздействие зависти и стыда на отношения между сельскими жителями и формы их (совместной) деятельности в новых условиях.

Настоящий номер «Социологического ежегодника» также содержит такие отражающие актуальную проблематику в различных отраслях социологического знания рубрики, как «Социология образования и профессий», «Социальная теория», «Социально-экологический метаболизм города» и «Социология детства». Все они в той или иной мере связаны с лежащей в основании социологии проблемой социального порядка и социального единства. В рубрике, посвященной социологии образования и профессий, рассматриваются самые злободневные аспекты меняющихся трудовых порядков современных университетов, профессиональная культура которых и вслед за ней организация деятельности академических профессионалов подвергаются глубоким трансформациям. В основе статей, обзоров и рефератов рубрики лежит анализ новейших зарубежных и отечественных публикаций по данной теме. В условиях острого конфликта профессиональной и организационной культуры университетской среды, причиной которого ведущие ученые называют коммерциализацию и менеджериализацию университетов со стороны государства и бизнеса, сама идея университета как особого пространства производства и передачи знаний перестает быть востребованной. Описанию этой проблемы посвящена статья Р.Н. Абрамова, где рассматривается кризис академической культуры и трудовых порядков в их прежнем виде. Такие трансформации университетов и академической профессии требуют анализа развития высшего образования в исторической динамике, что в рамках настоящего издания предлагает в своей работе М.В. Прудников. Завершает данную рубрику реферат статьи, в фокусе которой – кризис и критика неолиберальных реформ государственных университетов в Европе и Северной Америке, а также раздел «Социологическая классика», где публикуется перевод текста Т. Парсонса по социологии профессий.

В рубрике «Социальная теория» читательскому вниманию предлагается статья Ю.А. Кимелева, посвященная социальной онтологии, которая является, по убеждению автора, источником новых концептуализаций в социологии. На примере новейших социально-философских теорий рассматривается такая функция социальной онтологии, как определение исследовательского поля для различных социальных наук, в том числе для социологии. Проблематика, раскрываемая в статье Ю.А. Кимелева, отсылает к главной социологической проблеме социального порядка, поскольку социальная онтология, будучи направлена на постижение строения социального мира и определение его базисных элементов, задает новые ориентиры познания современности. Речь, в частности, идет о фундаментальном сдвиге в сторону рассмотрения социальной реальности с точки зрения деятельности индивидов и предельной изменчивости социального мира. Такой глубокий пласт социологического теоретизирова-

ния дополняется обзорами по политической онтологии, подготовленными А.Ю. Долговым и Я.В. Евсеевой, где на примере последних зарубежных публикаций рассматриваются область исследования политической онтологии и основные тенденции в переосмыслении значения данного направления в современной политологии.

Далее следует рубрика, посвященная социально-экологическому метаболизму города, материалы которой также напрямую затрагивают тему социального единства в социологии, но уже в городской среде и в самых сложных ситуациях. В статье О.Н. Яницкого «Критический социально-экологический метаболизм города» анализируется социальная структура городской среды в современном обществе всеобщего риска. Используя подход У. Бека, автор формулирует принципы социально-экологического метаболизма города и предлагает инструментарий для его исследования. Здесь присутствует и перекличка с проблематикой социологии морали, поскольку в статье много внимания уделяется морали и этике в условиях риска и катастроф в городе – к примеру, «мобилизационной этике», которая заставляет сообщества людей не только приспосабливаться к критическим ситуациям, но и эффективно преодолевать их. Статья дополняется обзором (О.А. Усачева) социально-экологического архива Олега Николаевича Яницкого, в котором приводится периодизация этапов творчества видного отечественного социолога, сформулированная на основе анализа его работ разных лет. Продолжает рубрику статья М.А. Ядовой, основанная на результатах индивидуальных интервью с волонтерами, участвовавшими в ликвидации последствий пожара в ИНИОН РАН. В фокусе внимания автора – риски и опасности жизни в столице. Проведенное исследование показало, что большинство опрошенных воспринимают Москву как агрессивный город, угрожающий комфорту и безопасности его жителей.

Современные тренды в социологии детства в одноименной рубрике раскрывает аналитический обзор материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» (М.А. Ядова и Я.В. Евсеева), состоявшейся в октябре 2014 г. Анализ целой мозаики докладов показывает: отечественная социология детства быстро развивается, используя потенциал междисциплинарного подхода. Эта область социологического знания довольно тесно связана с разработкой социальной политики. Поэтому рубрика продолжается статьей И.В. Журавлевой и Н.В. Лакомовой о социологических и социально-политических аспектах здоровья детей и подростков в современной России. Забота о молодом поколении в демографических условиях современных обществ требует обширных научных исследований, тем более что, как отмечают авторы, мотивация сохранения здоровья и заботы о нем слабо выражена в современной России. Поэтому социальные институты формирования здоровья нуждаются во всесторонней поддержке. Дело осложняется тем, что и школа, и система здравоохранения в России находятся в состоянии реформирования. Однако авторы предлагают и обосновывают ряд мер, которые следовало бы включить в социально-политические программы по поддержке здоровья, к примеру формирование моды на здоровье, повышение информированности о факторах риска для здоровья, увеличение объема медико-психологической помощи подросткам и др.

Рубрика «IN MEMORIAM: Памяти Ульриха Бека» отдает дань всемирно известному социологу. Она включает в себя статью о концепции общества риска и ее развитии, а также реферат одной из последних работ Бека, посвященной «освободительному катастрофизму». К.А. Гаврилов подчеркивает глубокое понимание У. Беком нового социального порядка перед лицом глобальных катастроф – от угроз окружающей среде и терроризма до экономических кризисов, – выстраиваемое через призму концепта «риска». Обращение именно к столь дискуссионным проблемам придавало теории Бека новизну, злободневность и провокационность, хотя в своей основе творчество немецкого ученого было тесно связано с общей социологической традицией. Реферат статьи Бека дает понять, насколько афористичным был язык его тео-

рии и какими могут стать общество, его социальная структура и культурные представления в ближайшем будущем.

Очередной выпуск «Социологического ежегодника», где мы стремились представить как новую, так и ставшую традиционной для данного издания проблематику, призван отразить наиболее актуальные тренды в социальных науках, проявившиеся в работах зарубежных и отечественных авторов.

I. Проблема социальной сплоченности в социологии

Статьи

Социальная сплоченность: критика определений и возможности для новой концептуализации¹

Р.А. Садыков

Введение

Социальная сплоченность (social cohesion) остается одним из наиболее активно употребляемых терминов в обществоведческих исследованиях и при этом не имеет ясного концептуального определения [см.: Siebold, 1999; Chan, To, Chan, 2006; Drescher, Burlingame, Fuhrman, 2012]. Неоднозначность данного понятия вкупе с его популярностью предоставили отдельным авторам повод называть его «еще одним умным словечком» в лексиконе ученых и политиков, вроде термина «глобализация» [Chan, To, Chan, 2006, p. 273], или квазиконцептом, «концептом согласия» [Bernard, 2000, p. 2–3]. Правильнее сказать, что сегодня «социальная сплоченность» – это не один концепт, а множество разных. В одних работах социальная сплоченность понимается как эквивалент солидарности и доверия, в других она обнаруживается в разных отношениях к таким понятиям, как инклюзия, социальный капитал, социальное разнообразие, бедность. В трудах, носящих теоретический характер, социальная сплоченность связывается с понятиями социальной и системной интеграции [Chan, To, Chan, 2006, p. 274]. В одном из последних обзоров исследований социальной сплоченности авторы выделяют несколько подходов к пониманию последней, а именно: трактовка сплоченности как приверженности общему благу; сплоченность как средство социального закрытия группы; сплоченность как ресурс власти; сплоченность как взаимная выгода; сплоченность как ресурс взаимопонимания; сплоченность как равенство и инклюзия [Ярская-Смирнова, Ярская, 2014].

Содержательное наполнение определения социальной сплоченности варьируется не только между дисциплинами, но и внутри дисциплин, от одного автора к другому. За многообразием трактовок следует многообразие исследовательских тактик и подходов к измерению данного социального феномена. Использование различного инструментария в исследованиях сплоченности затрудняет сравнение результатов, полученных авторами разных проектов.

В последние годы термин «социальная сплоченность» пользуется большей популярностью у политических деятелей, нежели у социальных ученых [Chan, To, Chan, 2006, p. 273]. Интерес политиков к сплоченности связан прежде всего с трансформацией традиционной модели государства всеобщего благосостояния в условиях глобализации, масштабной миграции, кризиса мультикультурализма, возрастания уровня бедности [Chan, To, Chan, 2006; Hulse, Stone, 2007]. Перечисленные факторы угрожают старому социальному порядку и требуют активизации ресурсов общества для достижения нового консенсуса. Так, Совет Европы формулирует проблему сплоченности в терминах политического и гражданского участия. В свою

¹ Статья является частью исследования, проводившегося при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: Концептуализация и квалиметрия», грант № 14-18-03784.

очередь, такие организации, как Всемирный банк и ОЭСР, рассматривают социальную сплоченность в качестве фактора экономического развития, исходя из представления о том, что высокий уровень сплоченности в обществе может вести к экономическим выгодам.

В политическом дискурсе понятие сплоченности оказывается термином, призванным вместить определения множества актуальных социальных проблем, поэтому в западных странах без него уже редко обходится постановка широкой социально-политической повестки дня. С другой стороны, социальная сплоченность – это еще и наиболее общая формулировка общего блага, идеал, на достижение которого следует направить усилия государства и населения. Например, в обсуждении этнически фрагментированных обществ определение социальной сплоченности концентрируется на достижении чувства принадлежности к целому у всех членов общества [Vergolini, 2002, p. 198].

Хотя подходы к определению социальной сплоченности в политическом и академическом дискурсах явно различаются, концептуальные трудности в обоих случаях идентичны. Однако, несмотря на эти трудности, интерес к сплоченности не ослабевает. Постоянно предпринимаются попытки выработать более продуманную концепцию сплоченности и предложить новый набор индикаторов, соответствующих целям исследования.

В настоящей работе мы не ставим перед собой задачу дать исчерпывающий обзор способов категоризации социальной сплоченности, вместо этого мы сфокусируемся на распространенных трудностях в определении данного понятия и обратимся к наиболее репрезентативным в данном контексте исследованиям по теме; после этого мы попытаемся очертить контуры альтернативного подхода к определению сплоченности. Хотя ключевая проблема в исследовании социальной сплоченности – сложность ее концептуального определения – вряд ли может быть окончательно преодолена, мы тем не менее считаем, что понятие сплоченности обретет специфичность и большую ясность, если в поисках ресурса для его определения обратиться к обыденной языковой практике его использования.

Классические теоретические интуиции сплоченности

Традиционный академический дискурс социальной сплоченности произрастает из представлений о целостности общества, связности его элементов. Воплощение этих взглядов видно в таких ключевых для социологии XX в. концепциях, как солидарность, интеграция, социальные системы. Среди ранних теоретиков сплоченности чаще других цитируются работы Э. Дюркгейма, хотя ни он, ни другие выдающиеся социологи его времени не занимались специальной разработкой *понятия* сплоченности. Сплоченность могла рассматриваться ими либо как условие, либо как следствие других социальных явлений. Например, в «Самоубийстве» Э. Дюркгейма низкая социальная сплоченность выступает фактором роста самоубийств [Дюркгейм, 1994].

Тема сплоченности возникает в ранних социологических работах в связи с более общим интересом к социальным изменениям, которые на рубеже XIX–XX вв. преобразовывали привычный образ жизни людей. Классики социологии интерпретировали происходящее как переход от одного социального порядка к другому: от традиционного общества к современному рационально-капиталистическому [Weber, 1978], от общества с механической солидарностью к обществу с органической солидарностью [Дюркгейм, 1991], от общности к обществу [Теннис, 2002]. Мнения относительно последствий этого перехода расходились, однако общим было понимание, что он глубоко затрагивает связи между индивидами, и соответствующее представление стимулировало поиск источника этих связей, выяснение их природы, иными словами, выявление основ сплоченности индивидов, того, как они существуют в форме коллективного целого.

Согласно Дюркгейму, в традиционных обществах, основанных на механической солидарности, сплоченность обеспечивалась сходством чувств, мыслей, верований индивидов. Напротив, в современных обществах, где преобладает органическая солидарность, *общая* сплоченность обеспечивается функциональными связями. При этом в отдельных сегментах общества сплоченность ослабевает в результате индивидуализации, порождаемой разделением труда, хотя для общественного организма как целого функциональная дифференциация имеет позитивный эффект в смысле его сплоченности. Так, мы видим, что Дюркгейм проводит различие между двумя уровнями сплоченности, которое социологи более позднего периода выразят как различие между социальной и системной интеграцией [см. Lockwood, 1999; Гидденс, 2005]. В целом Дюркгейм рассматривал переход от механической солидарности к органической как историческую необходимость и доказывал позитивный вклад данного процесса в жизнеспособность общества [Дюркгейм, 1991, с. 156]. Как отмечали Р. Шелли и Э. Бэсин, дюркгеймовское различие видов солидарности наметило два основных направления последующего развития анализа социальной сплоченности / интеграции. Один путь научного поиска – апеллирующий к идее механической солидарности – предполагал изучение роли аффективных близких связей и приписанных статусов в групповой динамике; другой – обращающийся к концепту солидарности органической – заключался в исследовании инструментальных паттернов взаимоотношений [Shelly, Bassin, 1989, p. 143–144].

В отличие от Дюркгейма многие теоретики социальных изменений были настроены более пессимистично по отношению к переменам, происходившим на их глазах. Они видели эти перемены в негативном свете, акцентируя внимание на развитии индивидуализма, атомизации и фрагментации социальной жизни. Ф. Тённис описывает современную ему ситуацию как упадок и разложение одного типа связи индивидов с последующим замещением его другим. По его мнению, естественные отношения *общности* (Gemeinschaft) уступают функционально опосредованным отношениям, характерным для *общества* (Gesellschaft) [Тённис, 2002]. Это означает утрату первоначальной близости и единства членов общности и преобладание обезличенных отношений. Несомненно, что для Тённиса общность обладает большей моральной ценностью по сравнению с обществом, поскольку данный тип связи ближе к человеческой природе. По Тённису, обезличенность и искусственность общества являются следствиями упадка и разложения. В логике теннисовской концепции место сплоченности скорее внутри общности, а не общества, тогда как у Дюркгейма она имеет более универсальное значение, хотя и меняется в зависимости от преобладающего типа солидарности. Общность, понятая как малая группа, стала впоследствии наиболее популярным объектом в исследованиях социальной сплоченности.

В центре внимания другого классика социологии М. Вебера также были происходящие в обществе изменения. В развитии бюрократической организации он видел наиболее яркое проявление распространения формальной рациональности современного капитализма [Weber, 1978]. По Веберу, бюрократическим отношениям по определению следует быть специфицированными, нейтральными (универсалистскими), формально-рациональными, т.е. всячески выдерживать дистанцию между бюрократами, а также между бюрократами и гражданами. Когда речь идет о веберовской бюрократии, по-видимому, нет смысла говорить о сплоченности, на ее месте – индивидуальная ответственность бюрократа и его служение долгу. Напротив, «сплоченность» предполагается в веберовской концепции харизмы. Харизматический лидер способен сплотить вокруг себя индивидов, которые в противном случае могли бы не иметь ничего общего. Иными словами, харизма лидера способна конституировать определенное сообщество. В концепции Вебера сплоченность представляется действием, ориентированным на другого, которым является харизматический лидер. В дальнейшем отношения лидерства и сплоченности было посвящено немало эмпирических исследований социологов и социальных психологов, однако нельзя сказать, что все они развивались в прямой связи с идеями Вебера.

Этот краткий обзор теоретических предпосылок проблематизации сплоченности проясняет концептуальные ресурсы в данной области исследования и, кроме того, показывает, что статус сплоченности как конститутивного признака общества или любой коллективной целостности не является столь уж очевидным, как кажется. Мы видим, что вопрос о сплоченности имеет относительно недлинную историю и возникает именно в связи с социальными изменениями, которые были обозначены как переход от одного типа связи к другому. Действительно, начиная с Т. Гоббса, социальные теоретики представляли общество как весьма хрупкую конструкцию, возможную благодаря контрактным установлениям; теории общественного договора в общем не требовали включать сплоченность в определение общества. Ф. Тённис, как видно, соотносил сплоченность вовсе не с обществом, а с общностью. Дюркгейму потребовалось развести сплоченность на два вида в соответствии с формами социальной солидарности, чтобы отстоять идею целостности и единства в обществах органического типа.

Проблемы определения

С развитием эмпирических исследований вопрос сплоченности начинает артикулироваться более явно и обретает самостоятельность. Правда, в социальной психологии интерес к сплоченности как к предмету изучения возник несколько раньше, чем в социологии, где сам термин «сплоченность» долгое время оставался в тени таких понятий, как солидарность, социальная интеграция, системная интеграция, доверие, социальный капитал. Первые специальные исследования сплоченности стали появляться в 1930-х годах и связаны прежде всего с именами социальных психологов [Lewin, 1935; Moreno, 1934; Bales, 1950].

Г. Сиболд отмечает, что с самого начала исследователей сплоченности волновала проблема ее определения и измерения в конкретных группах [Siebold 1999, p. 11]. Центральное значение приобрел вопрос о том, чем определяется привлекательность группы для ее членов и как это, в свою очередь, влияет на индивидуальное поведение и групповой процесс. Серьезные споры касались вопроса о том, является ли социальная сплоченность одномерным или многомерным концептом. В ответ часто называли два уровня социальной сплоченности – индивидуальный и групповой. Соответственно, не менее остро вставал вопрос о соотношении этих уровней [Bruhn, 2009, p. 43]. На этом начальном этапе исследователи строили свои подходы с ориентацией на строгую модель естествознания и пытались выработать «жесткие» определения и признаки для измерения социальной сплоченности. Теоретические интуиции, вопросы, подходы, возникшие в этот период, сформировали проблематику исследований социальной сплоченности, которая и сегодня сохраняет свою актуальность.

Далее мы, не ориентируясь строго на хронологический порядок, попробуем критически рассмотреть базовые различия, которые используются в определениях социальной сплоченности, образуя пространство соответствующей проблематики.

Сплоченность как привлекательность группы

Одно из широко известных ранних определений социальной сплоченности предложили Л. Фестингер, С. Шехтер и К. Бэк. Согласно их трактовке, сплоченность представляет собой совокупность сил, удерживающих индивидов в группе [Festinger, Schachter, Back, 1950, p. 164], это «цемент», соединяющий индивидов вместе и скрепляющий их отношения. Само по себе это определение слишком общее, его наиболее распространенной и более конкретной интерпретацией стало определение сплоченности как привлекательности группы для ее членов. Акцент на аттракциях отдельных членов означает, что целое группы представляет в данном случае не более чем сумму составляющих ее частей [Drescher, Burlingame, Fuhrman, 2012,

р. 664]. Таким образом, в центре внимания оказываются индивид и его отношения с другими членами группы.

Такое представление социальной сплоченности вызвало справедливую критику, поскольку оно редуцирует рассмотрение сплоченности к индивидуальному уровню. Привлекательность или симпатия членов групп друг к другу не является достаточным критерием сплоченности. Во многих случаях личная привлекательность имеет второстепенное значение для сплоченности членов группы [Siebold, 1999, р. 12]. Сам по себе взгляд на сплоченность как на внутригрупповые симпатии, разумеется, позволяет получить ценные результаты, но он интерпретирует сплоченность односторонне, поскольку не способен различить межличностные и групповые отношения и, таким образом, является редукционистским [там же, р. 12–13].

Сплоченность индивидов или сплоченность группы?

Критикуя определение сплоченности в терминах привлекательности группы для ее членов, мы коснулись другого важного различия, которое также является предметом широкой дискуссии, – различия индивидуального и группового уровней сплоченности. Мнение, что индивид и группа представляют два разных уровня анализа, в целом разделяется представителями теории групповой динамики [Cattell, 1948; Van Bergen, Koekebakker, 1969; Zander, 1971; Carron, Browley, 2012]. Эта оппозиция может по-разному обозначаться; например, некоторые авторы говорят о субъективном (или воспринимаемом) и объективном параметрах сплоченности, но суть различия не меняется.

Болен и Хойл выделяют объективную и воспринимаемую сплоченность [Bollen, Hoyle, 2001]. Первая предполагает акцент на объективных атрибутах группы как целого и включает показатели, основанные на восприятии каждым членом группы его близости (closeness) с другими членами группы. Понятие воспринимаемой сплоченности указывает на восприятие индивидом собственного положения в группе. Это в свою очередь зависит от двух других факторов: индивидуального чувства принадлежности к группе и «морального» («morale») или эмоционального переживания членства в этой группе [Chan, To, Chan, 2006, р. 276]. Как отмечает Дж. Брюн, понятие воспринимаемой сплоченности опосредует большинство объективных условий сплоченности [Bruhn, 2009, р. 41]. На индивидуальном уровне воспринимаемая сплоченность отражает роль группы в жизни членов группы, а на групповом уровне – роль индивидов в жизни группы.

В своей многомерной концепции социальной сплоченности Дж. Чан и его коллеги выделяют субъективный и объективный уровни измерения социальной сплоченности [Chan, To, Chan, 2006, р. 293–294]. Субъективный уровень включает такие переменные, как доверие, чувство принадлежности, готовность кооперироваться и оказывать помощь; объективный уровень характеризует наблюдаемые акты кооперации, совместное участие членов общества в решении общезначимых вопросов.

Схожее определение формулируют Ф. Рахультон, С. Раванера и Р. Божо [Rajulton, Ravanera, Beaujot, 2006]. Они говорят об *идеациональном* и *реляционном* компонентах социальной сплоченности. Первый компонент относится к психологической идентификации членов сообщества, второй – к наблюдаемым отношениям между членами сообщества. В зависимости от того, какой компонент используется, исследование фокусируется либо на индивидуальных переживаниях индивидов, связанных с их принадлежностью к некоторому сообществу, либо на взаимоотношениях между членами различных групп [там же, р. 463].

Различение индивидуального и группового уровней социальной сплоченности имеет свои последствия, поднимая ряд дискуссионных вопросов. Если принципиально разводить оба эти уровня, тогда следует признать, что сплоченность имеет разные источники и, соответственно, конституирование социальной сплоченности на уровне межличностного взаимодей-

ствия и на уровне структурных отношений различаются по своим основаниям. Отсюда закономерно следуют вопросы: «Каково отношение между двумя видами сплоченности? Являются ли они взаимоисключающими или допускают взаимопереход? И, если верно второе, можем ли мы тогда говорить, что в обоих случаях речь идет о сплоченности?» Если мы признаем, что в обоих случаях имеет место сплоченность, тогда необходимо определить ее конститутивные признаки, подходящие для любых ее уровней. Но эти существенные признаки неизбежно будут общими, нам потребуется их конкретизировать, снова выделить уровни, определить индикаторы – в данном случае мы возвращаемся к тому, с чего начали. Как видим, каждый следующий ответ порождает новый вопрос и так далее, что в конечном счете превращается в порочный круг.

Важно добавить, что рассмотрение сплоченности с точки зрения группы как целого также имеет свои сложности [Mudrack, 1989, p. 38]. Дело в том, что сплоченность как свойство группы едва ли может быть измерена, и в результате исследователи вынуждены обращаться к индивидам как элементарным источникам сплоченности.

Сплоченность как взаимозависимость на основе общей задачи

А. Кэррон и его коллеги являются авторами одного из самых амбициозных проектов изучения сплоченности, рассчитанного на 15 лет. Участники проекта предложили обширный инструментарий для измерения социальной сплоченности в спортивных командах. Исследования А. Кэррона и его коллег показательны в обсуждении многих важных вопросов в изучении сплоченности [Member diversity and cohesion and performance in walking groups, 2006; Carron, Browley, 2012].

А. Кэррон и Л. Броули вводят в анализ социальной сплоченности различие между инструментальной и социально значимой ориентациями [Carron, Brawley, 2012, p. 727]. Если инструментальная ориентация предполагает, что индивиды объединяются ради выполнения общей задачи, то в случае социальной ориентации объединение основывается на более глубоких отношениях между индивидами. Обе ориентации могут быть связаны либо с групповой интеграцией, либо с индивидуальным отношением к группе. Возникающие пересечения представляют частные измерения социальной сплоченности. Данный подход основывается на убеждении, что сплоченность имеет инструментальные основания [там же, p. 732]. Любые группы объединяются ради какой-то цели; даже там, где существование группы связано с аффективными побуждениями ее членов, в действительности сохраняются инструментальные основания ее формирования. Так, даже вступление в сообщество ради дружбы в основе своей содержит инструментальную причину. Это утверждение не вполне понятно, особенно ввиду того что авторы в дальнейшем указывают, что сплоченность имеет аффективное измерение. Как соотносятся аффективное и инструментальное измерения в понятии социальной сплоченности, какое из них является базовым и почему, авторы не поясняют.

В своей статье Кэррон и Броули ставят вопрос, будет ли модель измерения сплоченности, построенная для одних групп, применима к другим коллективам [Carron, Brawley, 2012, p. 735]. Окажется ли аналитическая схема, разработанная для исследования спортивных команд, столь же адекватной при исследовании музыкальных групп и других объединений? Отвечая на этот вопрос, авторы статьи предупреждают, что заимствование концептуализации и инструментария для измерения требует тщательного учета особенностей исследуемой группы, когерентности выводов, полученных в результате. Тем не менее все это не отменяет возможности дать общее определение сплоченности. В интерпретации данных авторов, сплоченность представляет собой процесс, а не некое состояние группы [Carron, Brawley, 2012, p. 730–732]. Это различие – еще один дискуссионный пункт в исследованиях сплоченности.

Процесс или состояние?

Исследователи расходятся в том, следует ли считать сплоченность процессом или некоторым состоянием. Согласно Кэррону и Броули, сплоченность может быть определена как динамический процесс, который отражается в тенденции держаться вместе и оставаться едиными для осуществления намеченных целей или удовлетворения аффективных нужд [там же, р. 730]. Это определение применяется в самых разных случаях – в изучении спортивных команд, рабочих групп, военных формирований, общин, дружеских компаний [там же, р. 731]. Из данного определения следует, что его авторы трактуют сплоченность не как черту сообщества или группы, а как меняющуюся на разных этапах группового развития величину, способную принимать различные формы и воплощаться в разных аспектах функционирования группы.

Схожим образом С. Бадж предлагает отказаться от предположений, что сплоченность определяется как что-то статичное, позитивное, тотальное, в пользу подхода, который рассматривает сплоченность как динамический процесс, посредством которого сплоченность развивается [Budge, 1981]. Дж. Брюн, ссылаясь на ряд авторов, отмечает, что малая группа является динамической социальной системой и тот факт, что она развивается во времени, также предполагает, что ее адаптивные способности позволяют ей становиться сплоченной. Из этого следует, что оценка степени или уровня групповой сплоченности должна быть ситуационной и чувствительной к процессу развития группы [Bruhn, 2009, р. 44].

Другая точка зрения базируется на «статичном» понимании сплоченности. Дж. Чан с коллегами отмечают, что определение сплоченности в терминах процесса не совпадает с нашим интуитивным пониманием данного слова [Chan, To, Chan, 2006, р. 281]. Как они утверждают, в повседневном смысле употребление слова «сплоченность» скорее отсылает к уровню сплоченности группы или сообщества, т.е. к состоянию, а не к процессу. Определение через «процесс» в данном случае является контринтуитивным, поскольку предполагает, что существует некоторое «конечное состояние» или максимальный уровень социальной сплоченности, однако нет такой «вещи», как «максимальное» состояние социальной сплоченности [Chan, To, Chan, 2006, р. 290].

Определения сплоченности в терминах процесса, равно как и в терминах состояния, отсылают к сущностным чертам данного явления. В заключительной части мы представим подход, который ставит вопрос иначе и позволяет увидеть, что данное различие относится не к сущностным чертам сплоченности, а к практике употребления этого термина в обыденном языке.

Социальная сплоченность и социальный капитал

В работах по сплоченности, фокусирующихся преимущественно на макросубъектах (этнических, конфессиональных группах, меньшинствах), понятия «социальный капитал», «социальная эксклюзия / инклюзия» часто выступают как субституты социальной сплоченности. Конкуренция между этими концептами за право первенства в публичном дискурсе зависит от конкретной социально-политической ситуации в разных странах.

Р. Патнэм определяет социальный капитал как «признаки социальной организации, такие как сети, нормы и доверие, которые способствуют координации и кооперации ради взаимных выгод» [Putnam, 1993, р. 36]. Данная концепция предполагает, что высокий уровень социального капитала (членство в различных организациях, участие в политических вопросах) ведет к большему благополучию [Hulse, Stone, 2007, р. 111]. Укажем на два различия между социальным капиталом и социальной сплоченностью. Социальный капитал аналитиче-

ски фокусируется прежде всего на индивидуальном и групповом уровнях, как сети, поддерживаемые каждым индивидом, и личностные выгоды, которые проистекают из них [Chan, To, Chan, 2006, p. 292]. Социальная сплоченность, с другой стороны, является более холистическим концептом и касается главным образом общих условий общества. Логически высокий объем социального капитала в отдельных сообществах не предполагает высокого уровня сплоченности общества в целом. Например, в условиях сегрегации по этническому признаку индивиды могут поддерживать большой объем сетей с членами своей же этнической группы, даже при полном отсутствии каких-либо межэтнических социальных связей [там же].

Многомерность социальной сплоченности

Поздние исследования социальной сплоченности, как правило, ориентируются на многомерные модели [Drescher, Burlingame, Fuhrman, 2012, p. 682]. Определенный тренд виден в стремлении подобрать наиболее «точный» набор категорий и установить между ними те или иные связи и отношения. Ученые постоянно совершенствуют сложные концептуальные конструкции, включающие несколько различных измерений. Социальная сплоченность предстает в таких исследованиях как составное понятие, сводящееся к взаимодействию независимых факторов. Так, П. Дикис и М. Валентова разрабатывают концепт сплоченности как сложный конструкт, охватывающий ряд переменных с широким набором индикаторов [Dickes, Valentova, 2013]. Они рассматривают социальную сплоченность как свойство социальной группы, а ее источник, по их мнению, лежит во взаимоотношениях между индивидами, между индивидами и группами / организациями, между индивидами и обществом / государством.

В аналитической конструкции П. Дикиса и М. Валентовой выделяются две оси социальной сплоченности. Первая представляет собой сферы жизнедеятельности индивидов и групп и включает социально-политическую и социокультурную сферы. Вторая имеет дело с природой социальных отношений и охватывает субъективные репрезентации (аттитюды) и поведенческие аспекты [Dikes, Valentova, 2013, p. 829]. Оси представляются расположенными перпендикулярно по отношению друг к другу, т.е. в виде координатной плоскости. Пересечения компонентов внутри данной координатной плоскости образуют четыре измерения социальной сплоченности: доверие к институтам, политическое участие, солидарность, социокультурное участие. Каждое измерение определяется развернутым списком индикаторов. Дикис и Валентова считают, что хотя разработанная ими многомерная схема измерения социальной сплоченности не является универсальной, она открывает возможности для межстрановых сравнений величины сплоченности и позволяет проверять гипотезы о кросскультурных различиях. Тот факт, что рассматриваемая аналитическая схема основывается на данных лонгитюдного исследования (European values survey), позволяет использовать различные временные перспективы [там же, p. 842].

Некоторые исследователи отмечают сложность измерения сплоченности на материале национальных опросов. Однако рассмотрение непосредственного взаимодействия членов некоторого сообщества представляет другую крайность в исследованиях данного феномена [Rajulton, Ravanera, Beaujot, 2006, p. 462]. Если в первом случае сложно проследить, относятся ли используемые в определении концепты и индикаторы к феномену социальной сплоченности, то во втором сплоченность оказывается редуцированной к взаимодействиям лицом к лицу. Чтобы избежать возникающих ограничений, Рахультон с коллегами предлагают акцентировать внимание на мезоуровне; их интересует сплоченность локальных сообществ – таких, например, как жители отдельных регионов внутри страны [Rajulton, Ravanera, Beaujot, 2006].

К новой концептуализации

Таким образом, определение сплоченности вызывает массу затруднений. В современных исследованиях популярны многомерные модели сплоченности, однако они не только не приближают академическое сообщество к относительному согласию в определении общей дефиниции, но, напротив, привносят новые концептуальные трудности [Chan, To, Chan, 2006, p. 273]. Хотя большинство исследователей признают проблему, найдется не много публикаций, в которых предпринимаются шаги по выработке критериев или подхода к конструированию наиболее удачного определения социальной сплоченности. Одна из видных попыток в этом направлении была осуществлена Дж. Чаном и его коллегами. С их точки зрения, концептуальный анализ социальной сплоченности с целью прояснения, данного понятия – не просто дань академической педантичности, а необходимая предпосылка для более продуктивного исследования и политического анализа [там же, p. 298]. Они предлагают минималистское определение социальной сплоченности, основанное на двух ключевых требованиях.

Во-первых, минимальный объем понятия. Это требование прежде всего относится к вопросу о том, каков минимальный набор элементов, являющихся действительно конститутивными для данного концепта [Chan, To, Chan, 2006, p. 280]. Чан с коллегами дают объяснение, обращая внимание на то, что информативная природа концепта зависит не от того, как много он в себя включает, а, напротив, от того, как много он исключает. Предлагаемое данными авторами минималистское определение должно включать только сущностные черты сплоченности, а не ее причины или последствия. По этой причине такие пункты, как инклюзия, равные возможности, толерантность или любой набор «разделяемых ценностей», в него не включаются [там же, p. 291]. Когда социальная сплоченность выступает синонимом «хорошего общества», она больше не несет аналитической ценности. Напротив, узкое определение предпочтительнее для эмпирического исследования, потому что: а) позволяет тестировать корреляцию посредством ясного отделения конститутивных частей от условий / последствий; б) узкая дефиниция исключает культурно-специфичные ценности и допускает кросскультурные сравнения [там же, p. 280]. Многомерность концепта подчеркивается разными исследователями как его важная черта. Однако сразу же встает вопрос, насколько объемным должен быть концепт, иными словами, как много компонентов он должен включать. Всеохватный концепт позволит объяснить все и в тоже время ничего, поскольку такое понятие не имеет своей специфики, а значит, не отражает ничего в реальном положении дел; по словам Чана и его коллег, такой концепт не обладает аналитической ценностью [там же].

Во-вторых, близость к обычному словоупотреблению. Социальная сплоченность в отличие от других «эзотерических» конструкторов социальных наук является фигуративным термином, несущим достаточно четкий образ [Chan, To, Chan, 2006, p. 280]. Это означает, что люди в целом разделяют смысл сплоченности. Обыденное использование слова «сплоченность» демонстрирует относительное согласие, которого так не хватает в исследовательской практике. Таким образом, дефиниция социальной сплоченности не должна слишком дистанцироваться от ее обыденного значения [Chan, To, Chan, 2006, p. 281].

Так, Дж. Чан с коллегами убеждены, что наилучший способ прийти к строгому определению социальной сплоченности – это начать с рассмотрения повседневного смысла слов «сплотиться» («cohere») или «сплоченность» («cohesion»). Рассматривая разные словарные определения, которые представляют сплоченность в смысле соединения индивидов, формирования целого, они отмечают, что в конечном счете определения сплоченности отражают состояния сознания индивидов, проявляющиеся в их поведении; в частности, люди в обществе говорят о единении друг с другом только тогда, когда выполняются следующие условия: 1) люди могут доверять друг другу, оказывать помощь, кооперироваться с членами своего сообщества; 2)

люди разделяют общую идентичность или чувство принадлежности к сообществу; 3) субъективные переживания 1) и 2) проявляются в объективном поведении. Социальная сплоченность – это не только индивидуальное чувство или психологические составляющие (conditions); это еще и определенное поведение или акты принадлежности, доверия, кооперации и помощи. И субъективные, и объективные компоненты незаменимы. Первые указывают на акты участия индивидов, кооперацию и помогающее поведение, тогда как вторые отсылают к нормам и субъективному чувству доверия, чувству принадлежности и готовности помогать [там же, р. 289–291]. Едва ли можно представить, что в основании сплоченности некоторой группы индивидов будут отсутствовать взаимное доверие, готовность помогать или кооперироваться друг с другом. Общая идентичность или чувство принадлежности уже предполагают определенный уровень сплоченности и акцент на повторяющемся взаимодействии индивидов, которое является пространственно специфицированным [там же, р. 289].

Другими словами, важно учитывать, что сплоченность рассматривается в конкретном обществе или в политическом сообществе в определенный период времени [там же]. Дж. Чан с коллегами показывают, что явление социальной сплоченности относится к устойчивым, протяженным во времени феноменам. По их мнению, нельзя быть сплоченным спонтанно [там же, р. 290]. В итоге Дж. Чан с коллегами приходят к следующему определению сплоченности:

Социальная сплоченность – положение дел, касающееся вертикальных и горизонтальных интеракций среди членов общества, характеризующихся набором аттитюдов и норм, которые включают доверие, чувство принадлежности и готовность участвовать и помогать, а также их поведенческие манифестации [там же].

С нашей точки зрения, требования, выдвинутые Дж. Чаном и его коллегами, несут в себе потенциал для лучшего понимания сплоченности, однако сами авторы реализуют их недостаточно последовательно. Прежде всего непонятен сам способ, который авторы используют, чтобы приблизиться к обыденному определению сплоченности. По-видимому, они, как и большинство исследователей, не сомневаются в том, что разделяют с другими обыденное значение сплоченности. Они ошибочно полагают, что для прояснения обыденного смысла «сплоченности» достаточно обратиться к словарным статьям. Однако такая стратегия подменяет одно аналитически выделенное понятие сплоченности другим, что никак не приближает нас к обыденному пониманию сплоченности, действительным источником которого является языковая практика членов определенного сообщества. В рамках этой языковой практики люди не задаются вопросом о том, что значит «сплоченность», когда всякий раз используют это слово, поэтому вопрос о понимании сплоченности относится не к значению, а к употреблению данного слова. Дж. Чан с коллегами, увы, не учитывают эти моменты и в результате приходят к определению, столь же далекому от обыденного понимания сплоченности, как и те исследователи, которые они критикуют.

Мы считаем, что поиск ресурсов для прояснения понятия сплоченности необходимо направить непосредственно к обыденной языковой практике членов определенного сообщества. Таким образом мы сразу же признаем, что сплоченность является культурно специфицированным концептом, иными словами, может обозначать феномены, различающиеся в зависимости от социального контекста. В социологии одна из ранних и наиболее признанных попыток применить социологию к пониманию обыденного (естественного) языка представлена в работах Питера Уинча [Уинч, 1996].

Члены определенного сообщества разделяют определенные правила и пользуются общими понятиями, сложившимися в результате их совместной практики. Обыденный язык, таким образом, является ключом к пониманию культурного контекста («формы жизни»), к которому принадлежат члены данного лингвистического сообщества. Понимание категорий обыденного языка нацелено не на отыскание их сущности, а на описание того, как и в каких обстоятельствах члены наблюдаемого сообщества пользуются этими категориями. Тем самым

для социологического взгляда П. Уинча первостепенный интерес представляет то, как социальная действительность осмысливается самими действующими, а не исследующими их учеными.

В терминах данного подхода понимать, что *есть* сплоченность, значит правильно использовать слово «сплоченность» в каждой конкретной ситуации. Тот факт, что ученый знает некоторые правила использования слова «сплоченность», не означает, что оно всегда будет уместно применено. В разных культурах идея сплоченности может пониматься по-разному, и, следовательно, совсем необязательно, что для самих действующих совершаемые ими действия и сопутствующие переживания будут означать то же самое, что и для наблюдателя. Действительно, люди в разных ситуациях и культурных контекстах могут вкладывать разный смысл в понятие сплоченности.

Отсюда вытекает особое требование к социальному ученому: если он хочет правильно интерпретировать происходящее в социальной действительности, он должен быть в состоянии применять к ней критерии, которые сама эта действительность и порождает. Иными словами, ученый должен учитывать особенности обыденного языка и социального контекста, в котором он используется. Но как убедиться, те ли критерии были выделены и правильно ли они применяются? В данном контексте принципиально важна вероятность ошибки в применении критерия: мы получим возможность убедиться в том, что наблюдаемое поведение относится к сплоченности, если допустим, что члены исследуемого нами сообщества могут поправить нас, указав на ошибку. Если мы используем термин в определенной ситуации и этого не происходит, значит, скорее всего, наша трактовка происходящего является правильной.

Метод Уинча – это не метод интерпретации, а метод описания. Последовательное этнографически ориентированное описание может дать серьезные результаты, продвинуть нас в понимании такого феномена, как сплоченность. Поиск универсального определения сплоченности не имеет смысла, поскольку за разными трактовками не стоит какой-то общей сущности. Связь между различными определениями подобна «семейному сходству». Поиск обыденного значения социальной сплоченности не заменяет эмпирического исследования, но представляет собой вариант необходимой предварительной работы, которую часто минуют в исследовательской практике. Как мы увидели, внимание к употреблению понятия «сплоченность» в обыденной языковой практике позволяет избежать путаницы и споров вокруг данной дефиниции, предоставляя надежный критерий для ее понимания.

Список литературы

- Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – 576 с.
- Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
- Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. – М.: Владимир Даль, 2002. – 425 с.
- Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 107 с.
- Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. Социальная сплоченность: Направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. – М., 2014. – № 4. – С. 41–61.
- An experimental study of cohesiveness and productivity / Schachter S., Ellerton N., McBride D., Gregory D. // Human relations. – N.Y., 1951. – Vol. 4, N 3. – P. 229–238.
- Bales R.F. Interaction process analysis: A method for the study of small groups. – Cambridge (MA): Addison-Wesley, 1950. – XI, 203 p.

Bernard P. Social cohesion: A dialectical critique of a quasi-concept: Paper SRA-491. – Ottawa: Strategic research and analysis directorate: Department of Canadian heritage, 2000.

Bollen K.A., Hoyle R.H. Perceived cohesion: A conceptual and empirical examination // *Social forces*. – Chapel Hill (NC), 2001. – Vol. 69, N 2. – P. 479–504.

Bruhn J.G. The group effect: Social cohesion and health outcomes. – N.Y.: Springer, 2009. – XII, 171 p.

Budge S. Group cohesiveness revisited // *Group*. – N.Y., 1981 – Vol. 5, N 1. – P. 10–18.

Carron A.V., Brawley L.R. Cohesion: Conceptual and measurement issues // *Small group research*. – Newbury Park (CA), 2012. – Vol. 43, N 6. – P. 726–743.

Cattell R.B. Concepts and methods in the measurement of group syntality // *Psychological rev.* – Wash., 1948. – Vol. 55, N 1. – P. 48–63.

Chan J., To H.P., Chan E. Reconsidering social cohesion: Developing a definition and analytical framework for empirical research // *Social indicators research*. – Dordrecht, 2006. – Vol. 75, N. 2. – P. 273–302.

Dickes P., Valentova M. Construction, validation and application of the measurement of social cohesion in 47 European countries and regions // *Social indicator research*. – Dordrecht, 2013. – Vol. 113, N 3. – P. 827–846.

Drescher S., Burlingame G., Fuhrman A. Cohesion: An odyssey in empirical understanding // *Small group research*. – Newbury Park (CA), 2012. – Vol. 43, N 6. – P. 662–689.

Festinger L., Schachter S., Back K. Social pressures in informal groups: A study of human factor in housing. – Stanford (CA): Stanford univ. press, 1950. – X, 197 p.

Hulse K., Stone W. Social cohesion, social capital and social exclusion: A cross-cultural comparison // *Policy studies*. – L., 2007. – Vol. 28, N 2. – P. 109–128.

Jenson J. Defining and measuring social cohesion. – L.: Commonwealth secretariat, 2010. – IX, 34 p.

Lewin K. A dynamic theory of personality. – N.Y.; L.: McGraw-Hill, 1935. – IX, 286 p.

Lockwood D. Civic integration and social cohesion // *Capitalism and social cohesion: Essays on inclusion and integration* / Ed. by I. Gough, G. Olofsson. – N.Y.: St. Martin's press, 1999. – P. 63–84.

Measuring team cohesion: Observations from the science / Salas E., Grossman R., Hughes A.M., Coultas C.W. // *Human factors*. – N.Y., 2015. – Vol. 57, N 3. – P. 365–374.

Member diversity and cohesion and performance in walking groups / Shapcott K.M., Carron A.V., Burke S.M., Bradshaw M.H., Estabrooks P.A. // *Small group research*. – Newbury Park (CA), 2006. – Vol. 37, N 6. – P. 701–720.

Moreno J.L. Who shall survive? – N.Y.: Nervous and mental disease publishing co., 1934. – XVI, 440 p.

Mudrack P.E. Defining group cohesiveness: A legacy of confusion // *Small group behaviour*. – L., 1989. – Vol. 20, N 1. – P. 37–49.

Putnam R.D. The prosperous community: Social capital and public life // *American prospect*. – Princeton (NJ), 1993. – Vol. 13, N 4. – P. 35–42.

Rajulton F., Ravanera Z.R., Beaujot R. Measuring social cohesion: An experiment using the Canadian national survey of giving, volunteering and participating // *Social indicators research*. – Dordrecht, 2007. – Vol. 80, N 3. – P. 461–492.

Shelly R.K., Bassin E. Cohesion, solidarity and interaction // *Sociological focus*. – Columbus (OH), 1989. – Vol. 22, N 2. – P. 143–150.

Shils E.A., Janowitz M. Cohesion and disintegration in the Wehrmacht in World War II // *Public opinion quart.* – Oxford, 1948. – Vol. 12, N 2. – P. 280–315.

Siebold G.L. The evolution of the measurement of cohesion // *Military psychology*. – Hillsdale (NJ), 1999. – Vol. 11, N 1. – P. 5–26.

Van Bergen A., Koekebakker J. Group cohesiveness in laboratory experiments // *Acta psychologica*. – Amsterdam, 1959. – Vol. 16. – P. 81–98.

Vergolini L. Social cohesion in Europe: How do the different dimensions of inequality affect social cohesion? // *International j. of comparative sociology*. – L., 2002. – Vol. 52, N 3. – P. 197–214.

Weber M. Economy and society. – Berkeley: Univ. of California press, 1978. – Vol. 1, 2. – XXXII, 1469 p.

Zander A. Motives and goals in groups. – N.Y.: Academic press, 1971. – XIV, 212 p.

Адаптивный потенциал социальной сплоченности: традиция, современность, неотрадиция ²

М.А. Козлова, А.И. Козлов

Введение

Проблема создания и поддержания социальной сплоченности не случайно уже на протяжении ряда лет держится в фокусе социологического интереса. Будучи концептуализированной как на микроуровне через первичные связи, так и на макроуровне через «гражданскую интеграцию» [Ярская-Смирнова, Ярская, 2014], социальная сплоченность проблематизируется в условиях усиления неравенства, индивидуализации, разрушения сообществ, миграций, роста этнического и культурного разнообразия. Потому в число наиболее актуальных тем эмпирических социологических исследований уже не первый год входят исследования связей в социально уязвимых слоях населения, развивающихся как следствие эксклюзии (например, бедных, бывших заключенных, различного рода меньшинств), сплоченности в иммигрантских, этнических, религиозных сообществах и др. [Социально-культурные практики..., 2015]. При этом указывается, что направленность сплоченности может быть и негативной, идущей вразрез с общими ценностями культуры [Гофман, 2015; Ионин, 2014; Симонова, 2014]. В качестве основных источников разрушения сплоченности сообществ признаются: разнообразные страхи перед будущим («культура страха») вследствие осознания рисков, недоверие по отношению к социальным институтам, гнев, направленный на других, индивидуальный и коллективный как следствие социального неравенства, глубокие социальные изменения и трансформации, интенсивное миграционное движение населения [Bruhn, 2009]. Так, современная – гетерогенная, полицентричная – социальная реальность наполняется дифференцированными сплоченностями, вырастающими вокруг локальных идентичностей, что заставляет социологов говорить о кризисе социальности. Выход из этого кризиса предполагает выстраивание принципиально новых форм сплоченности – на новых основаниях, вероятно, с новыми функциями.

В связи с этим представляется важным для измерения социальной сплоченности ввести параметр ориентации сообщества на универсалистские или партикуляристские нормы. Размышления зарубежных и отечественных социологов позволяют утверждать, что конструктивный характер групповая сплоченность приобретает только при соответствии ценностно и морально обусловленных групповых норм универсальным, абстрактным, надгрупповым правилам, разделяемым всеми социальными субъектами [Гофман, 2003, 2015]. Этот универсалистский характер содержания и формы групповой жизни позволяет группе избежать типичных противоречий или эффективнее разрешить их. В частности, группа, ориентированная

² Статья является частью исследования, проводившегося при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: Концептуализация и квалиметрия», грант № 14-18-03784.

только на рост собственного благополучия (причем даже не в ущерб благополучию других), рискует оказаться в социальной изоляции. В ответ на это ослабление внешних связей начинают трансформироваться механизмы формирования групповой идентичности: возрастает конформность индивидов по отношению к группе, растет степень ингрупповой лояльности, формируется представление об опасности внешней среды (воспринимаемая угроза) и, как следствие, – аутгрупповая враждебность. В результате моральные механизмы сплочения перерождаются. Напротив, ориентация на универалистские ценности и следование надгрупповым нормам (и, возможно, согласование групповых норм с ними) становятся относительно надежной защитой, укореняя группу в поле более широкого сообщества.

Несмотря на то что ориентация на «абстрактные правила» – вероятно, единственный возможный путь ненасильственного сплочения в условиях современных обществ, именно сегодня актуализируются и набирают силу типы и формы интеграции, соответствующие партикуляристским – более архаическим формам социального устройства [Maffesoli, 1988]: гендерная, расовая, религиозная и этническая солидарности [Tiryakian, 2009]. В исследованиях зарубежных и отечественных социологов отчетливо формулируется проблема сосуществования, взаимодействия и противоборства «современных» и «традиционных» форм сплоченности [Социально-культурные практики..., 2015]. Возрождение традиционных форм сплочения выступает в качестве выраженной тенденции в мультикультурных постиндустриальных обществах [Maffesoli, 1988; Tiryakian, 2009] и выполняет роль своего рода защитной реакции на многообразие. В российских условиях обращение к «примордиальным» формам сплочения – «общности крови и почвы» – может рассматриваться также в качестве реакции пореформенного социума на нестабильность в экономической, политической, идеологической сферах, как инструмент адаптации.

Адаптация представляет собой системное явление, в рамках которого взаимосвязаны медико-биологические, психологические, социально-экономические и культурные параметры. Хотя выбор критериев для оценки столь сложного явления представляется непростой задачей, в западной науке и социальной практике в их числе рассматривается качество жизни населения, сменившее господствующую ранее идею «общества благосостояния (изобилия)». На сегодняшний день концепция качества жизни является наиболее разработанной теоретической базой для оценки условий жизни в обществе. Причем в течение последних двух десятилетий особенно активно разрабатываются концепции, ставящие во главу угла не индивидуальные, а групповые параметры оценки, такие, например, как степень равенства, безопасности или свободы, а также качество и структура социальных отношений в обществе. Особенно большой интерес на различных уровнях принятия политических решений вызывает именно категория «социальной сплоченности» [Friedkin, 2004; McCracken, 1998]. В числе часто упоминаемых при описании социальной сплоченности параметров можно назвать силу социальных связей, разделяемые ценности и системы мировоззрения, чувство общей идентичности и принадлежности к одной общности, доверие [Jenson, 1998; Woolley, 1998]. Понятия социальной сплоченности и качества жизни, безусловно, тесно взаимосвязаны. При этом социальная сплоченность включает в себя аспекты, затрагивающие индивидуальную жизнь, и в этом смысле представляет собой компонент индивидуального качества жизни. В то же время перспективы социальной изоляции (отвержения) приводят к ухудшению качества жизни индивидов.

Заметим, что влияние социальной сплоченности на параметры качества жизни, учитывающие как структурные (наличие и широта социальных связей), так и функциональные (качественные характеристики поддерживающего социального поведения) измерения, достаточно активно исследовались в рамках разных научных дисциплин. В частности, физиологи и медицинские антропологи изучали влияние этих параметров на здоровье населения в разных культурных и социальных средах [Cohen, Wills, 1985; Morsy, 1978; Social support and arterial blood pressure..., 1986; Graves, Graves, 1980; Hanna, James, Martz, 1986]. Исследования социальной

поддержки и здоровья показывают, что представления о социальной поддержке и связь поддержки с уровнем заболеваемости во многом определяются социальными и культурными условиями, поскольку демонстрируют влияние культурного контекста как на понимание самой сущности социальной поддержки, так и на ее защитную функцию.

Эмпирические исследования демонстрируют также влияние социальной сплоченности на экономическое и другие измерения благополучия [Лебедева, Татарко, 2007] и, таким образом, постулируют в качестве важнейших для развития общества социальные и культурные факторы, отражающие специфику взаимоотношений людей. В этом смысле социальная сплоченность становится фактором, не только способствующим адаптации индивидов и групп в ходе социокультурных изменений, но и важнейшей движущей силой развития общества в новых условиях.

В настоящей статье речь идет о параметрах, позволяющих предсказать перспективы развития социальной сплоченности на основе анализа представлений индивидов о собственной групповой идентичности и установок внутри- и межгрупповой коммуникации. В конечном счете мы ориентированы на поиск ответа на вопрос: какие формы сплоченности обладают наиболее выраженным адаптивным потенциалом и обеспечивают наиболее стабильное и долговременное повышение уровня и качества жизни. В качестве групп в нашем случае выступают крупные социокультурные общности. В исследованиях, результаты которых обобщаются далее, принимали участие представители этнических общностей, находящихся на разных этапах перехода от «традиционного» к «современному» способу социального устройства, – представители коренного населения Севера России.

Эгалитаризм и стратификация в контексте «традиционного» и «модернизированного» общества

Начавшееся в 1990-х годах интенсивное экономическое и социальное расслоение населения Российской Федерации в первом десятилетии нового века стало одним из предметов серьезного социологического анализа [Социальная стратификация российского общества, 2003; Максимова, 2005]. На Севере эти процессы имеют свою специфику: здесь принадлежность к тому или иному социально-экономическому слою зачастую связана с этничностью. Высокие уровни доходов и пребывание на руководящих постах в северных регионах – привилегия, прежде всего, пришлого, а не коренного (аборигенного) населения, что само по себе чревато конфликтами. Но есть и еще один аспект: стратификация и по экономическому, и по социальному признаку набирает темпы и внутри обществ коренных северян [Харамзин, Хайруллина, 2002]. «Верхние» страты занимает местная национальная элита, более или менее успешно встраивающаяся в политические и административные структуры и получающая доступ к финансовым потокам. «Нижние» слои объединяют подавляющую часть коренного населения, колеблющегося между бедностью и нищетой и не способного в достаточной мере адаптироваться к современным условиям. Но и эти страты оказываются весьма неоднородными и в социальном, и в экономическом плане.

Расслоение аборигенных общин – во многом следствие общих модернизационных изменений. Дело в том, что традиционный уклад жизни коренных северян был во многом основан на социальной и возрастной эгалитарности – относительном равенстве представителей различных групп общества, что, как свидетельствуют этнологические данные, типично для кочевых обществ, которые не имеют резко выраженных иерархических социальных институтов и ролей. Иерархический социальный строй, который проявляется, например, в царствах, древних государствах или тоталитарных режимах, сформировался относительно недавно [Fry, 2006]. Напротив, общества кочевых охотников и собирателей характеризуются как имеющие эгалитарные ценности, высокую степень личной автономии и отсутствие авторитарных лиде-

ров [Boehm, 1999; Fry, 2006]. У них «либо вообще нет лидеров, либо влияние лидеров очень искусно сдерживается, чтобы предотвратить использование влияния на приобретение богатства или престижа» [Woodburn, 1982, p. 444]. Э. Ликок также подчеркивал: «Трудность понимания структуры эгалитарной группы заключается в том, что лидерство здесь находится не просто в слабом или “зародышевом” состоянии, как это обычно представляется, оно не имеет значения вообще» [Leacock, 1978, p. 249]. Кочевые сообщества демонстрируют во всех случаях элементы кооперативной социальности – равноправие, самоуправление, участие, заботу; в то время как проявления ингрупповой лояльности и почитания авторитета – межгрупповая враждебность, четкие социальные различия, наличие авторитетных лидеров и иерархических институтов – зафиксированы не были [Lee, Daly, 1999].

Социальная эгалитарность традиционных северных обществ была обусловлена невозможностью накопления (точнее – удержания) одной семьей (родом) значительных материальных ресурсов, отчасти просто в силу условий среды обитания. Свидетельств этого зафиксировано множество [Крупник, 1989]. В несколько упрощенном виде можно сказать, что оленеводы постоянно переходили от «богатства» к «бедности»: владеющие крупными стадами периодически «разорялись» в результате падежа животных от эпизоотий, бескормицы, тяжелых погодных условий, а малоимущие оленеводы в результате мало предсказуемого стечения обстоятельств могли увеличивать поголовье своих стад. Морской зверобойный промысел, обеспечивавший в отдельные годы возможность накопления значительного прибавочного продукта, также не был гарантией регулярного поступления ресурсов из-за изменений численности и путей миграции морских млекопитающих, неблагоприятной ледовой обстановки и т.п. [Крупник, 1989, 2000]. Конечно, социальный уклад аборигенных групп предполагал определенные, часто весьма сложные иерархические взаимоотношения между их членами, однако эта иерархия оставалась значительно менее «жесткой», чем в современных им обществах России – от Великого княжества Московского до СССР [Слэзкин, 2008].

Принципиальные перемены, в первую очередь социальные, начались в 20–30-е годы XX в. Связаны они были с принятым курсом на «коренизацию» [Оширов, 1930]: формирование национальных элит стало государственной задачей. Для ее реализации было сформировано специальное учреждение: открытый в 1925 г. Северный рабфак Ленинградского университета после преобразования в 1930 г. в Институт народов Севера помимо педагогического получил также отделения партийного, советского и колхозного строительства, снабжения и промышленности.

Поскольку за дело взялось тоталитарное государство, «великий перелом» социальной системы северных сообществ стал неизбежным. Вопрос касался только времени: как скоро удастся изменить «отсталый» уклад жизни северян и привести его в соответствие с требованиями социалистического государства. Но если для народов Средней Азии, например, формирование национальных элит означало по большому счету лишь адаптацию прежних социальных систем к «новым правилам игры», то для северных аборигенов оно стало принципиальным новшеством. На индивидуальном и родовом уровнях традиционная система отношений северян была лабильной и гибкой, ориентированной на поддержание баланса не только между людьми, но и между человеком и средой обитания. При изменении природных условий богатый и влиятельный род мог обеднеть, и его место относительно бесконфликтно занимал другой, причем овладение «управленческой деятельностью» не требовало специального обучения: обычаи были известны всем. Государственные структуры подобной «текучести кадров» допустить не могли, в том числе и потому, что на обучение элиты, ее профессиональную и идеологическую подготовку тратились значительные средства: северяне, оказавшиеся (часто – довольно случайно) в верхних социальных слоях, должны были оставаться «элитой» на протяжении всего периода своей трудовой активности, а по сути – пожизненно.

Новый принцип «постоянства социальной стратификации» усваивался в первую очередь представителями национальных элит и гораздо слабее «тундровиками» – оленеводами, охотниками, рыболовами. Они более или менее успешно пытались адаптировать к новым условиям традиционные формы ведения хозяйства и отношений. Еще в конце 1950-х годов, когда сплошная коллективизация в северных регионах СССР уже завершилась и частные пастбищные угодья и стада оленей формально перешли в колхозную собственность, бывшие владельцы продолжали их выпасать и считать своими [Задорин, 2008]. Подобная ситуация складывалась и у охотников-рыболовов западносибирского Севера: ханты и манси, сведенные в колхозные рыболовецкие бригады и артели, зачастую оставались на традиционных родовых местах вылова – «рыболовецких песках» [Шевелев, 1987]. Стратификация советского общества была сравнительно слабо выраженной и в экономическом плане: разрыв между «обеспеченными» и «малообеспеченными» был сравнительно невелик, а «богатых», по сути, не существовало. Поэтому для пастухов, охотников и рыболовов более ощутимой становилась разница между ними, «тундровиками», и «поселковыми» – северянами, «переведенными на оседлость», живущими и работающими в населенных пунктах. Но специфические социальные страты стали формироваться и у жителей поселков. Одну из них составили представители «современных» профессий (медики, работники школ и предприятий связи, сельская администрация), другую – многочисленные люмпенизированные аборигены (в советское время практически все «числившиеся» на какой-либо службе, но, по сути, полубезработные), теснее связанные с тундровиками и живущие отчасти за счет эксплуатации природных ресурсов.

Как показали исследования конца 1990-х – начала 2000-х годов, доходы представителей этих («поселковых») групп практически не различались, но оценка своего «места в обществе» и «качества жизни» была разной: свое имущественное положение считали достаточным около 40% респондентов из представителей администрации, медиков, учителей и работников торговли и всего 27% опрошенных членов семей охотников и рыбаков, хотя все представители коренного населения ХМАО оказались за официально установленной чертой бедности [Kozlov, Vershubsky, Kozlova, 2007]. По-видимому, эта разница субъективных оценок качества жизни определялась не столько экономическими показателями, сколько действием фактора, известного как «конгруэнтность стиля жизни» («life-style congruity»), – адекватностью индивидуальных жизненных стратегий изменившимся социокультурным условиям. Сельская администрация, учителя, медики и работники торговли были больше вовлечены в систему отношений «западного» типа и не столь напряженно чувствовали себя в изменившемся мире. В результате представители более «модернизированных» групп, с одной стороны, были гораздо успешнее в имущественном обеспечении своих семей, что смягчало чувство дискомфорта, а с другой – вовлеченность в административные структуры или обладание «современными» профессиями сами по себе способствовали позитивному самоощущению.

«Фокусирование» влияет на оценку субъективного благополучия особенно сильно в тех ситуациях, когда индивид сравнивает себя с живущими рядом членами общества, не вовлеченными в деятельность, которую он считает важной. Человек склонен измерять свое благосостояние не в абсолютных величинах (доход), а в сравнении с общественным / материальным положением своего соседа [Duesenberry, 1949]. Из этого следует, что проживающие в одном поселке, но занятые разными видами деятельности манси или ханты оценивают свое «благополучие» относительно ближайших соседей, причем вхождение в «вестернизированные» роды деятельности (торговлю, медицину, образование, управление) воспринимается ими как факт, свидетельствующий об относительном благополучии. Развивая эту мысль, приходится заключить, что даже для поселковых аборигенов традиционная деятельность имеет негативную эмоциональную окраску. Такой вид активности, как оленеводство, часто декларируется северянами как «важная» и даже «необходимая» деятельность, но участвовать в ней лично они не желают.

Разрыв между социальными стратами современных северян усугубляется влиянием неожиданного, на первый взгляд, обстоятельства – ухода от исторически сложившихся в арктических культурах взаимоотношений детей и взрослых. В прошлом у арктических аборигенов, как и в других традиционных культурах, дети не рассматривались как «подчиненная» часть общества. Причина во многом в том, что в таких группах дети принадлежали не столько к семье биологических родителей, сколько ко всему связанному родственными узами сообществу, в котором они родились, вскармливаются, воспитываются и обучаются [Кон, 2010]. В традиционной культуре ребенок с момента рождения оказывался окруженным большим количеством взрослых, ориентированных на заботу о нем. Это дополнительное внимание и опека обеспечивались институтом «социальных родителей» [Волдина, 2000; Бутинов, 1992]. Не только отец и мать, но и большой круг других взрослых обязаны были заботиться о ребенке, следить за его развитием, стараться как можно чаще его видеть, т.е. принимать самое непосредственное участие в его воспитании и обучении. Ребенок, по сути, принадлежал не только своим «генетическим» родителям, но и родителям «дополнительным», всей общности, в которой жил. Такое «общественное воспитание» приучало детей думать о мире как о наполненной родителями среде, а не как о месте, где их безопасность и благополучие зависят от сохранения отношений только со своими непосредственными предками [Мид, 1988]. Но став взрослыми, дети должны были, в свою очередь, проявлять заботу не только о своих биологических, но и о социальных родителях, т.е. значительном количестве членов общества. Этот путь развития личности значительно сглаживал и возрастные, и социальные барьеры [Бурыкин, Шарина, 2001].

«Народная педагогика» в принципе исключает профессию педагога и оказывается эффективной только тогда, когда этнос не знает социопрофессиональной дифференциации [Бурыкин, 1998]. В современном же обществе ключевыми фигурами в воспитании ребенка считаются его биологические родители и люди, профессионально занимающиеся образованием, – учителя. В школах, и в особенности в интернатах, дети северян оказывались в обществах, жестко стратифицированных как в возрастном, так и в социальном плане (учитель / воспитатель – ученик / воспитанник), резко контрастирующих с традиционным укладом.

Нарастающая по многим причинам экономическая и социальная стратификация арктических народов ведет к тому, что и без того малочисленное общество коренных северян раскалывается на миры, живущие по-разному и имеющие разные цели и приоритеты. Удовлетворить свои базовые психологические потребности в автономии, компетентности и социальной принадлежности (и тем самым приблизиться к ощущению счастья) люди могут только при адекватном поведении в среде, обеспечивающей такому поведению социальную поддержку [Deci, 1985; Ryan, Deci, 2001]. Традиционный для северян «горизонтально ориентированный» вариант отношений (характерными элементами которого являются эгалитарность и ориентация на коллективизм [Inkeles, Smith, 1974]) дает человеку ощущение как компетентности и включенности в отношения с другими людьми, так и принадлежности к большой социальной группе – нации или культуре. Но эгалитарное общество, построенное на принципе «горизонтальных» отношений, оказывается дезадаптивным в «вестернизированном» мире, ориентированном на «вертикальный» тип отношений и во многом являющемся его продуктом. «Вертикально ориентированные» отношения, отвечающие требованиям и установкам культур «модернизированного» мира, создают разные социальные реальности для тех, кто стоит наверху социальной иерархии и внизу ее [Cockerham, 1999]. С этих позиций расслоение аборигенных общин следует рассматривать как специфический стрессор, обусловленный модернизационными изменениями.

Социальная сплоченность как адаптационный механизм

Технологическое развитие, описанные выше идеологические и социально-политические процессы, повлекшие социальную дифференциацию, распространение современных средств массовой информации, рост географической и социальной мобильности населения в модернизированном обществе закономерно приводят к все большей индивидуализации образа жизни, интенсификации разнообразных информационных воздействий и повышению общего темпа жизни. В результате изменившиеся социокультурные условия предъявляют особые требования к личностным качествам индивидов, стремящихся интегрироваться в «новое общество», – повышение личной ответственности за совершаемые поступки, способность к принятию решений в условиях остро ограниченного времени и, главное, способность к формированию собственной системы смысловых и ценностных координат для упорядочивания разнообразных (часто противоречивых) информационных и нормативных воздействий. В такой культурной ситуации нестабильность становится базовой характеристикой восприятия мира. Эта оценка индивидом мира как нестабильного – т.е. потенциально изменяемого – дает индивиду надежду на возможность выгодных для него изменений. Таким образом, в условиях модернизированного общества, где изменчивость становится нормой, представления о мире как **нестабильном** может расцениваться как показатель адекватности восприятия социокультурной ситуации [Козлова, 2009].

Однако каким бы адекватным условиям модернизированной культуры ни было восприятие мира как нестабильного, оно тем не менее отражает неуверенность индивида в «завтрашнем дне» и сложности в «совладании с ситуацией». Современное общество, основанное на принципах межличностной и межгрупповой конкуренции, с одной стороны, ставит человека в условия постоянного психологического напряжения, с другой – во многом обделяет его в отношении социальной поддержки, более доступной в традиционных коллективистских культурах. Напротив, традиционная этническая культура выступает неким символом стабильности, а укорененность в ней представляет для индивида серьезную опору для самоидентификации и определения системы ориентиров в меняющемся мире. Исследования западных авторов свидетельствуют о важной роли формирования четкой макрогрупповой (этнокультурной) самоидентификации в оптимизации процесса адаптации индивидов и групп в условиях интенсивных социальных трансформаций. Этот же путь признается и наиболее эффективным для установления позитивных форм межгруппового взаимодействия [Brown, 2000; Taylor, 2002].

Социальные психологи связывают возрастание роли этничности в современном мире именно со сложностью больших информационных потоков в последнее время; люди нуждаются в упорядочивании и структурировании этой информации [Сусоколов, 1990]. Опираясь на воззрения Д. Тейлора, Р. Брауна, А.А. Сусоколова, можно предположить, что когда этническая группа начинает утрачивать определенность групповой идентичности в сложном современном мире, она начинает ощущать катастрофические последствия этой утраты (утраты себя, утраты собственного уникального способа структурирования и организации мира). И тогда индивиды начинают стремиться вновь обрести определенность этнической идентичности. Это происходит с помощью механизма межгрупповой дифференциации, отделения от иных этнических групп, подчеркивания собственной отличительности. Именно эти процессы с наибольшей вероятностью могут быть сопряжены с повышенной нетерпимостью модернизированных групп к инокультурному многообразию.

Однако проведенные эмпирические исследования ставят под сомнение абсолютность сформулированных ранее закономерностей и правомерность тотального применения стратегии укрепления этнокультурной самоидентификации в условиях современного мира. Четкая позитивная этническая идентичность способна выступать в качестве «механизма совладания»

с трудностями адаптации к меняющимся условиям лишь на этапе перехода к новому типу социокультурного устройства, в течение «острого» периода дезадаптации. В условиях же, когда изменчивость, нестабильность мира становится повседневностью, начинает восприниматься как норма жизни, роль самоидентификации с крупной стабильной общностью начинает снижаться и этническая идентичность уступает место другим формам самоидентификации. А если меняются ориентиры построения идентичностей, то закономерно меняется и характер самопрезентации в ходе коммуникации, и сама коммуникация начинает принимать новые формы и выполнять новые функции.

Из обзора различных подходов к определению социальной сплоченности [Friedkin, 2004; McCracken, 1998; Jenson, 1998; Woolley, 1998] можно сделать вывод, что этот концепт предполагает достижение двух важнейших социальных целей: 1) преодоление угнетения, неравенства, отвержения, изоляции; 2) укрепление социальных связей и взаимодействий.

Эти два измерения следует рассматривать как относительно независимые друг от друга: сильные связи с какой-либо общностью могут сочетаться с тенденциями к дискриминации и отвержению других [Narayan, 1999]. Исследования сильной сплоченности внутри маргинальных групп ставят вопрос: «Не является ли групповая сплоченность преградой для социальной сплоченности?» В случаях, на анализ которых направлена наша статья, этот вопрос может звучать так: «Не является ли высокая интенсивность связей индивидов внутри этнокультурной общности причиной плохой адаптации общности в целом в условиях меняющегося мира?» Проанализировав данные, полученные в ходе многолетних исследований [Козлов, Козлова, 2008; Козлова, 2007; Kozlov, Vershubsky, Kozlova, 2003, 2007], мы, к сожалению, вынуждены положительно ответить на поставленный вопрос. Действительно, дефицит доверия приводит к развитию в обществах коренных народов российского Севера неблагоприятных для социально-экономического развития тенденций – к росту «фамилизма» в сочетании с нетерпимым отношением к инокультурному окружению [Татарко, Козлова, Лебедева, 2007]. И даже при условии изменения государственной политики в отношении коренных народов потребуются годы для «наращивания» в этих обществах доверия, как межличностного, так и институционального, которое может стать основой для формирования и развития конструктивных форм социальной сплоченности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.